

На следующее утро Лян Сычжэ проснулся первым. Время было уже позднее. Посмотрев на телефон, он увидел, что уже больше девяти часов. Цао Е крепко спал на соседней кровати, тонкая пижама сползла, обнажив большую часть спины.

Идя в ванную, Лян Сычжэ вспомнил события прошлой ночи и снова почувствовал неловкость. Он подумал, что был слишком импульсивным. Стоя у раковины, он закрыл глаза и плеснул холодной водой в лицо, пытаясь стереть всё это из памяти. В его голове пронеслось: «Забудь об этом, и больше никогда не думай про то, что было».

Выйдя из ванной, он увидел, что Цао Е уже проснулся и сидит на кровати, опустив голову.

— Проснулся? Доброе утро, — поздоровался Лян Сычжэ.

Обычно Цао Е с улыбкой поднимал голову и отвечал «Доброе утро», но сегодня он был сам не свой. Он вздрогнул от голоса Лян Сычжэ и быстро накрыл ноги одеялом.

Лян Сычжэ сначала удивлённо посмотрел на него, а затем догадался, что Цао Е проснулся с утренней эрекцией. Это показалось ему смешным. Разве это не естественно? У него утреннее возбуждение бывало каждый день, и чтобы быстро с ним справиться, достаточно было просто умыться. Но Цао Е так бурно реагировал впервые.

Лян Сычжэ сделал вид, что всё в порядке. Он заправил свою кровать, вернулся к Цао Е и спросил:

— Ты не пойдёшь умываться?

— Сейчас. — Цао Е не смотрел на него. Его лицо выражало неловкость, он выглядел немного напряжённо. — Ты не пойдёшь завтракать?

— Подожду тебя, вместе спустимся и поедим, — ответил Лян Сычжэ.

— Вчера ты ходил один, — заметил Цао Е.

— Вчера... — начал было говорить Лян Сычжэ, но тут же понял, что что-то не так. Он подумал, что Цао Е мог догадаться, что он уходил покупать кондиционер, и его сердце ёкнуло, но он быстро нашёл объяснение, чтобы скрыть правду. — Вчера я проголодался и спустился пораньше. Сегодня я не так сильно хочу есть.

Он ждал продолжения перепалки, но Цао Е не стал его больше расспрашивать, а просто уныло сидел на кровати. Необычное поведение Цао Е заставило Лян Сычжэ задуматься о том, что же произошло. «Может быть, за ночь Цао Е понял, что Лян Сычжэ делал в ванной. Но даже если бы он и заметил, неужели Цао Е не захотел бы с ним спуститься вниз на завтрак? Неужели Цао Е считает это странным? В любом случае, это было его ошибкой, его импульсивным порывом.

Если Цао Е обиделся, то, может, ему стоит извиниться? И сказать, что это больше не повторится?» — подумал, смутившись, Лян Сычжэ.

Он с трудом заговорил, всё ещё чувствуя себя неловко:

— Э-э, ты... ты что, расстроен тем, что было вчера ночью? — начал Лян Сычжэ, но Цао Е, явно расстроенный, прервал его:

— Не смей ничего говорить!

«...Похоже, всё кажется очень серьезным. Разве это так сложно принять? Как парень, выросший за границей, может быть таким консервативным?» — подумал Лян Сычжэ и продолжил:

— Мне кажется, ты... ты, возможно, неправильно понял...

Опять прервав его, Цао Е спрятал лицо в одеяло, уткнувшись носом в колени:

— Ты продолжаешь говорить! Хорошо... хорошо!

«...Это мне должно быть стыдно, но почему он выглядит ещё более смущенным?»

— Я знал, что ты догадаешься, — пробурчал Цао Е, не отрывая лица от одеяла.

У Лян Сычжэ в голове медленно всплыл вопрос: «Что?»

— И что теперь делать? — продолжил Цао Е, приподнявшись. Он выдернул голову из-под одеяла, покраснел и закричал:

— Что делать с простыней?!

Лян Сычжэ немного растерялся:

— ...Ты что, намочил простыню?

— Сам ты намочил! — тут же ответил Цао Е.

— Если не намочил, то... — Лян Сычжэ снова заговорил, осторожно спрашивая: — ...испачкал спермой?

Цао Е с удручённым видом опустил голову:

— Да.

Лян Сычжэ вдруг захотелось посмеяться над тем, что у каждого из них были свои демоны. Внезапно вчерашний инцидент перестал казаться таким уж неловким. Ведь в сравнении с ним, ситуация Цао Е казалась ещё более щекотливой. Это всего лишь ночная эякуляция. Но судя по такой растерянной реакции молодого господина Цао, неужели... Лян Сычжэ, подавляя смех, нарочито спокойно спросил:

— В первый раз?

— Не говори ничего, — обиженно сказал Цао Е.

«Это действительно был его первый раз? Он выглядит высоким и развитым, но на самом деле ещё такой незрелый, что у него даже поллюции не было... А я с прошлой ночи столько себе напридумывал, боялся, что он что-то заподозрит, а он, оказывается, ещё ничего не понимает. Чего ему вообще смущаться?!»

Со стороны склонивший голову Цао Е выглядел как насупившийся ребёнок. Лян Сычжэ не смог сдержать смех:

— Цао Е, ты такой... Какой же ты милый!

Услышав в его голосе смех, Цао Е тут же вспыхнул:

— Ты всё ещё смеёшься!

Лян Сычжэ не мог перестать смеяться. Смешными были и его собственные утренние переживания, и паническая реакция Цао Е на первую поллюцию, и их нелепый разговор... а самым смешным было то, что, он, сам того не ожидая, попал в точку и понял, что именно произошло у Цао Е.

Цао Е повернулся и посмотрел на него, но не выдержал и тоже рассмеялся.

Спустя некоторое время Лян Сычжэ, наконец, перестал смеяться, кашлянул, прикрыв рот рукой, и, глядя на Цао Е, не удержался от поддразнивания.

— Поздравляю тебя, Цао Е, малыш, — сказал он, снова едва сдерживая смех, — ты стал взрослым.

Цао Е, похоже, не обрадовался поздравлению и с кислым лицом спросил:

— А что делать, когда горничная придёт менять постельное бельё?

На пятом этаже отеля «Лазурной вечеринки» номера сдавались посуточно, и каждый день горничные убирали комнаты и меняли бельё. Хотя Цао Е и Лян Сычжэ жили на третьем этаже, хозяйка всё равно распорядилась, чтобы, пока они живут в этом номере, горничная приходила каждый день убираться.

— Горничная не обратит на это внимания, — сказал Лян Сычжэ.

Но Цао Е всё ещё переживал:

— Она точно увидит.

— У горничной, наверное, дети старше тебя, она к такому привыкла.

— Всё равно.

— Тогда так, — предложил Лян Сычжэ, подумав, — ты сними простыню, а когда горничная придёт убираться, мы поднимемся на пятый этаж и незаметно подложим её в тележку. Так пойдёт?

— Пойдёт, наверное... — Цао Е тоже подумал и, не найдя лучшего решения, согласился. — Ладно.

— Быстрее умывайся, горничная скоро придёт. Мы как раз успеем отнести простыню и спуститься на завтрак.

— Хорошо. — Цао Е неохотно встал с кровати и медленно начал надевать тапочки.

Лян Сычжэ взглянул на то место, где только что сидел Цао Е. Там было отчетливо видно пятно.

— Ц-ц-ц, молодой господин набирается сил. — Он снова едва сдержал смех.

Цао Е поднял голову и посмотрел на него:

— Не смейся.

— Хорошо, — ответил Лян Сычжэ, сдерживая смех, — не буду.

— Ты же явно смеёшься, — недовольно сказал Цао Е, сделал несколько шагов в сторону ванной, но потом вернулся, схватил одеяло и накрыл им пятно. Умывшись, Цао Е подошёл к кровати, снял простыню и свернул её в шар.

Лян Сычжэ встал, собираясь выйти вместе с ним, но у двери Цао Е остановился и, обернувшись, сказал:

— Давай ты отнесёшь и свою простыню тоже.

— Мне не нужно менять простыню, — ответил Лян Сычжэ.

— Давай вместе, — сказал Цао Е. — Если только я поменяю простыню, это будет выглядеть странно.

— Ладно, — со смехом согласился Лян Сычжэ.

Они вдвоём быстро поднялись на пятый этаж. Горничная убиралась в одном из номеров. Цао Е положил старую простыню в нижний отсек тележки для белья и сказал, обращаясь в комнату:

— Тётя, мы уже уходим. Грязную простыню мы положили в тележку и сами возьмём чистую.

Горничная ответила из комнаты:

— Хорошо, берите. Значит, сегодня комнату убирать не нужно?

— Не нужно, спасибо, тётя, — сказал Цао Е, взяв из верхнего отсека тележки две упакованные в пакет чистые простыни, одну протянул Лян Сычжэ, другую взял себе, затем схватил Лян Сычжэ за запястье, и они почти бегом спустились вниз.

Место для обеда выбрал Лян Сычжэ. Обычно они ели в забегаловке внизу, но сегодня Лян Сычжэ повёл его в ресторан на главной улице. Они вошли, сели и посмотрели меню. Цао Е бегло просмотрел названия блюд и цены, затем поднял голову и удивлённо посмотрел на Лян Сычжэ:

— Мы сегодня шикуем?

— Мы празднуем, — ответил Лян Сычжэ, взял чайник, налил чай, поставил чашку перед Цао Е, а его чашку взял себе.

— Что празднуем? — спросил Цао Е, но сразу понял. — Эй, не напоминай!

Лян Сычжэ усмехнулся и, перестав его дразнить, налил себе чаю, сделал глоток, затем взял меню, которое Цао Е отодвинул к нему, и начал отмечать блюда. Хотя фраза «мы празднуем» была шуткой, Лян Сычжэ действительно считал, что стоит отметить это событие, ведь это своего рода рубеж... Рубеж, отделяющий мальчика от мужчины.

Пока они ждали заказ, официант принёс им несколько тарелок с закусками. Ни один из них не проявил интерес и не притронулся к ним. Лян Сычжэ взглянул на закуски и сказал Цао Е:

— Я должен уйти сегодня днём, встретиться с несколькими одноклассниками.

— У тебя есть одноклассники в Пекине?

— Одноклассники из старшей школы, — объяснил Лян Сычжэ. — Они учатся в Консерватории.

Цао Е ответил «О», быстро поняв, в чём дело. При нормальном ходе событий Лян Сычжэ сейчас тоже должен был учиться в Консерватории. Он не стал продолжать расспросы. Они редко говорили о прошлом, и когда это случайно происходило, Лян Сычжэ всегда уклончиво менял тему, редко рассказывая о себе. Цао Е догадывался, что Лян Сычжэ не хотел вспоминать или даже избегал воспоминаний о прошлом.

Цао Е, подумав, спросил:

— Куда ты идёшь?

— В Центральную консерваторию, — ответил Лян Сычжэ. Он сам предложил пойти туда. Он хотел увидеть место, о котором когда-то мечтал, чтобы после возвращения окончательно оставить мысли о скрипке.

— Во сколько? — снова спросил Цао Е.

— Пойду сразу после обеда.

— Так рано...

— Просто прогуляюсь.

— А когда вернёшься?

— После ужина, в восемь-девять вечера?

— Так поздно...

Эти вздохи «так рано» и «так поздно» показались Лян Сычжэ забавными. Он поднял глаза на Цао Е. Тот смотрел на воду в своей чашке, обычная улыбка исчезла с его лица, и сейчас он выглядел не очень счастливым.

— Хочешь пойти со мной? — спросил Лян Сычжэ.

— Можно? — Цао Е тут же поднял на него глаза, и едва заметная печаль мгновенно исчезла с его лица. Сделав паузу, он, опасаясь, что Лян Сычжэ просто проявил вежливость, добавил: — Твои одноклассники не будут против постороннего человека?

— Какой же ты посторонний? — усмехнулся Лян Сычжэ. — Пойдём вместе. Я плохо знаю Пекин, могу заблудиться.

Цао Е дважды кивнул в знак согласия и стукнул себя кулаком по правому плечу:

— Я был в Центральной консерватории, я покажу дорогу! — сказал он, а затем добавил: — Сидеть одному в номере было бы ужасно скучно...

Спустя некоторое время Цао Е захотел что-то сказать, но как только открыл рот, официант принёс блюдо, и он тут же замолчал. Проследив взглядом за официантом и подождав, пока тот отойдёт, он повернулся к Лян Сычжэ и тихо сказал:

— Эй, можно тебя кое о чём спросить?

— О чём? — Лян Сычжэ посмотрел на него.

— Тише, — Цао Е понизил голос, словно боясь, что его услышат, — только... не смейся, ладно?

— Угу, не буду смеяться, — ответил Лян Сычжэ, с любопытством ожидая вопроса.

— Ну... у тебя простыни не пачкаются?

— Ты об этом... — Хотя он и обещал не смеяться, сдержаться было трудно. Лян Сычжэ поджал губы, стараясь выглядеть серьёзно. — На самом деле, только в первый раз бывает так много, потом, скорее всего, так будет не каждый раз.

— О. — Цао Е положил руки на стол и уткнулся лицом в тыльную сторону ладони.

Пока тот не видит, Лян Сычжэ тихонько улыбнулся. В его внешности было что-то неопишимо неловкое, что Лян Сычжэ не удержался и поддразнил его:

— Конечно, ты же маленький принц идиом, возможно, у тебя особый талант.

— Эй! — Цао Е тут же выпрямился и посмотрел на него.

— Шучу, — рассмеялся Лян Сычжэ.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130254>